

Ю.А. КИСЕЛЁВА

**ИСТОКИ СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ
КАК УЧЕБНОЙ И НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В
ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ПЕРВАЯ ТРЕТЬ
XIX ВЕКА**

Одной из актуальных проблем современной истории историографии остается поиск ответа на вопрос о начале формирования историографии как особой дисциплины. Исследования ученых в данном направлении шли путем отодвигания вглубь нижнего рубежа этого процесса, вплоть до признания рефлексивной природы историографического знания и зарождения историко-научной мысли одновременно с конструктивным знанием о прошлом [1, с.198]. Временем же «приобретения историографией научной формы», были признаны 20-30-е годы XIX века [2, с. 143], когда стали появляться первые специальные работы, разрабатывающие историографическую проблематику [3, с. 548; с. 128]. И хотя эти работы имели университетское происхождение, но рассматривались они, как правило, в отрыве от становления историографии в системе высшего исторического образования дореволюционной России. Интересно, что даже Р.А. Киреева, выдвинувшая в качестве основной идеи своего исследования мысль, что отечественная историография формировалась, прежде всего, как учебная дисциплина, обошла вниманием начальный этап зарождения историографии в системе университетского образования, начиная его с историографических работ С.М. Соловьева [4]. По нашему мнению, анализ особенностей и предпосылок этого процесса представляется возможным при изучении становления историографии как учебной и научной дисциплины в отдельном университете.

Исследование проблемы зарождения историографического знания на начальном этапе становления университетской системы, на

наш взгляд, следует начать с рассмотрения условий развития исследовательской и преподавательской деятельности в университете в целом, а также анализа процессов формирования и смены научных идеалов, углубления специализации наук.

Харьковский университет был создан в 1804 году. Его внутреннее устройство, назначение и деятельность определялись первым университетским уставом 1804 года, который предоставил новым высшим учебным заведениям широкую возможность свободы преподавания и исследования. Рядом статей (об обязанностях профессоров, о почетных членах, об общеуниверситетских научных собраниях) устав создал условия для согласования университетского преподавания с достижениями европейской науки. При процедуре выбора претендента на вакантное профессорское место, согласно уставу, от кандидата требовалось помимо предоставления сочинения еще и общее рассуждение о науке, о ее предметах и успехах, удобнейшем способе преподавания, а также «о различных писателях лучшим образом излагавших суть науки» [5, с.277]. Стоя на пороге формирования новой профессиональной группы – университетской профессуры, создатели системы высшего образования определили основными профессиональными качествами университетского ученого способность к рефлексии в своей науке, умение использовать лучшие достижения научной мысли в процессе преподавания.

Еще более четко эта позиция прозвучала в «Положении о производстве в ученые степени» 1819 года, в котором были сформулированы требования на соискания университетских степеней. Одним из главных условий для получения степени доктора наук считалась способность кандидата вносить вклад в развитие своей науки на основе знания науки, как «в ее основаниях» так и «в ее развитии и направлениях» [5, с.1138].

Харьковский университет по составу профессоров на момент своего создания был одним из лучших университетов России. В начале века основу его научного потенциала составлял корпус иностранных ученых. В первое десятилетие существования университета из 47 его профессоров 29 были иностранцами [6, с. 456]. И хотя пребывание в университете большинства из них было не продолжительным, они своей деятельностью заложили прочный научный фундамент, на который опирались последующие поколения отечественных ученых. Основная

часть иностранной профессуры была воспитанниками крупнейших западных университетов и обладала опытом работы в них. Большинство ученых приехало в Харьков, движимые не только материальными и политическими мотивами, но еще и просветительскими устремлениями [6, с. 457].

В университете, профессора, пытаясь реализовать уже знакомую им систему университетского гуманитарного образования, активно пользовались правом, предоставленным уставом, и помимо главных курсов читали дополнительные [5, с. 271]. С именами иностранных профессоров связано начало преподавания в Харьковском университете педагогических дисциплин. Интересно отметить, что среди них был и курс А. Рейниша «о способах преподавать историю» [7]. Историко-научные элементы в преподавание на словесном факультете впервые были введены профессором А. Дегуром (Дегуровым), который в продолжении нескольких лет начинал общие курсы по новой истории «наукой о критике истории», а в 1812-1813 году ввел отдельный спецкурс - «критика истории, о разных способах писать историю, о словесности лучших историков» [7].

Иностранные профессора пытались донести до широкой общественности свои научные идеалы и представления. Выступая на торжественных университетских актах, они стремились передать понимание сущности научного познания и необходимости специализации наук, сформировать в умах своих учеников и их окружения образ университетского ученого. Актуализируя одно из главных убеждений века Просвещения, что благосостояние народа напрямую зависит от уровня его образованности, ораторы делали при этом ударение на научной составляющей просвещения [8, с. 54], превращая науку в фактор развития последнего. Они заявляли, что именно развитие отдельных, «частных» наук, способно принести самые широкие социальные результаты, а исследование отдельной науки видели одним из главных качеств истинно «просвещенного» человека [8, с. 57]. В условиях необходимости доказывать местной общественности пользу и значение университетского образования, приобретала новое звучание и идея, выработанная немецким идеализмом, о влиянии образования и науки на нравственность ученых. На стыке понимания особенностей профессиональной научной деятельности и обязанности быть примерами «добродетели и

мудрости», был сформирован образ «истинного ученого», для которого главным стимулом было не признание его заслуг, а радость от кропотливого поиска научной истины [6, с. 623; 8, с. 52], путь к которой пролегал через изучение ученым того, что было сделано его предшественниками в каждом конкретном вопросе [9, с.146].

В своих речах иностранные профессора обращались и к истории наук. Они воспроизводили универсальную схему движения наук, выработанную французскими энциклопедистами и просветителями, согласно которой наука, зародившись в странах Востока, достигла своего развития в Греции и Риме, а оттуда была заимствована в новое время Европой [8, с. 49]. При этом средние века представлялись «периодом бесплодности ума человеческого», временем «жалкого состояния учености» [10, с. 40; 11, с. 74]. Обращение к подобным темам в публичных речах, с одной стороны, имело прагматическое значение. Делая акцент на процессе заимствования просвещения разными народами друг у друга, иностранные профессора имели возможность представить процесс утверждения модели европейского университета в Российской империи (через посредничество иностранных ученых) продолжением мировой практики распространения просвещения [8, с. 50]. С другой стороны, история отдельных областей знания, по их мнению, имела просветительское значение. Например, в своей речи профессор Х. Роммель предполагал, что изложение истории развития классической филологии с XV века с указанием на ее успехи могло служить к «возбуждению любви к этой науке» [8, с. 55]. Профессор А. Дегуров пытался показать сложность и важность изучения истории, а главное необходимость для читателя вдумчиво воспринимать ее результаты, ссылаясь на философские сочинения Вольтера, Юма, Босюэта, Робертсона [12, с. 37]¹.

Просветительское значение историко-научных знаний сохранялось и в последующие годы. Например, издатель «Украинского журнала» А.С. Склабовский не только напечатал в 1824

¹ И хотя сочувствие к таким писателям, как доказал А.С. Лебедев, диссонировало с основным историческим мировоззрением А.А. Дегурова, который по мере преподавания все более склонялся к проведенционализму [13, с. 141], но его речь, произнесенная в 1808 году, скорее отражала веяния эпохи Просвещения.

году вступительную лекцию П.А. Затеplinского об истории астрономии и ее открытиях, но и призвал автора продолжить эту тему на страницах журнала, так как «история наук» представляла, по его мнению, широкий общественный интерес [14, с. 118]. Отчасти просветительскую нагрузку в первые десятилетия существования университета несли и вводные лекции к историческим курсам, в которых преподаватели обращались к истории своей области знания, указывая на исследователей способствовавших ее развитию.

Благодаря иностранным профессорам, которые являлись проводниками новейших научных достижений Европы, Харьковский университет не стоял в стороне от развития европейской философской и исторической мысли, процесса становления историцизма. Сторонниками историософии Шеллинга в университете являлись профессора И. Шад и И.Я. Кронеберг [15, с. 21]. В 1810-х годах, благодаря тесным связям с немецкими научными и литературными кругами преподаватели Харьковского университета много внимания уделяли и трудам Гердера, в результате чего, по мнению Р.Ю. Данилевского, можно говорить о формировании на базе Харьковского университета собственного украинского гердерианства, параллельного российскому восприятию историцизма И.Г. Гердера [16, с. 200]. Такое усиленное внимание к новейшим европейским историко-философским теориям дает основания современным исследователям говорить о формировании в университете собственной школы историков, характерной особенностью которой была разработка теоретических проблем истории [15, с. 21], при решении которых и происходили первые обращения к историографии.

Основой для первых экскурсов в область истории науки служили знания, полученные в процессе преподавания дисциплин филологического профиля. Прежде всего, по кафедрам «греческого языка и словесности греческой», а также «древностей и языка латинского». В университетском гуманитарном образовании начала XIX века изучению классической филологии уделялось особое внимание. Это было обусловлено, с одной стороны, признанием роли античного наследия в становлении новой европейской науки, а с другой, тем воспитательным значением, которое видели в нем организаторы системы российского образования [17, с. 126]. Преподавание классических языков было нацелено не только на

познание грамматических структур, но и на интерес к содержанию произведений. Многие из рассматриваемых на занятиях произведений были историческими. Предлагались для чтения отдельные книги «Истории» Геродота, сочинения Ксенофонта, речи Демосфена, книги «Иродовой истории», трактат Лукиана «О способе писать историю», по латинской словесности отрывки из труда Тита Ливия, «История» Тацита, речи Цицерона, сочинение Саллюстия «О заговоре Катилины» и жизнеописания Плутарха [7]. «Изъяснения» античных произведений требовали, как правило, исторических комментариев. С другой стороны, внимание к трудам отдельных античных писателей давало возможность (и требовало по логике преподавания) ознакомить студентов старших курсов с цельным взглядом на историю греческой и римской литературы. Потому Я. Белен де Баллю в 1811-1812 году прежде рассмотрения отдельных произведений предлагал слушателям «историческое понятие о греческих писателях». Н. Паки де Совиньи для студентов 2 курса преподавал «историю славнейших писателей греческих и латинских». Х. Роммель ввел в преподавание историю римской литературы, которую продолжил в 1820-х годах преподавать его приемник по кафедре И.Я. Кронеберг. Перенимали такой же способ преподавания и молодые отечественные преподаватели [7]. Таким образом, в процессе преподавания курсов по кафедрам классических языков и словесности складывались понятия о важнейших исторических произведениях античности, формировались представления об умственном движении в античном мире, ходе исторической мысли древних греков и римлян, зарождался интерес к личностям историков у студентов.

Преподавание европейских языков, как и классических, происходило методом «изъяснения» отрывков или целых произведений. Наряду с этим вводились и курсы по истории европейских литератур.

При таком усиленном внимании к истории иностранной литературы естественно возникал интерес и к процессу развития отечественной словесности. Однако отрывки из сочинений русских писателей, рассматриваемые на занятиях по теории отечественной словесности, составляли незначительное меньшинство по сравнению с примерами из произведений иностранных писателей [18, с. 155]. Тем не менее, именно в Харьковском университете профессором

И.С. Рижским был прочитан в 1809-1810 году первый в российских университетах курс истории российской словесности [7]. При этом, как указывает М.И. Сухомлинов, преподаватель не ограничивался отрывочным разбором писателей, но обращал внимание на связь и последовательность литературных явлений [17, с. 83]. И.С. Рижский задумывал даже со временем написать учебник по истории российской словесности [19, с. 5]. Однако ранняя смерть ученого в 1811 году не позволила осуществиться этим планам. Приемники И.С. Рижского по кафедре не продолжили преподавание этого курса. Курс истории отечественной литературы стал традиционным элементом университетского преподавания (в том числе и в Харьковском университете) лишь после издания в 1822 году учебника Н.И. Греча - «Опыт краткой истории русской литературы». С 1823-1824 учебного года было начато преподавание истории российской словесности по руководству Н.И. Греча экстраординарным профессором Д.С. Борзенковым [7].

Современными исследователями истории историографии была определена роль библиографических изданий в создании и развитии историографической традиции [2, с. 141]. Однако не менее важным представляется указать на значение учебников по истории словесности, которые приняли на себя функции формирования багажа историографических представлений и их распространения в системе университетского преподавания. Считая литературу «выражением мыслей и чувств каждого народа» Н.И. Греч ограничивал ее произведениями изящной словесности и истории [20, с. IV]. Поэтому в учебник вошли биографии всех сочинителей общих историй XVIII века. «Главным источником для автора» послужил сочинение митрополита Евгения (Болховитинова) «Новый опыт исторического словаря о российских писателях» [18, с. 161]. Но в отличие от библиографического словаря перед создателем обобщающей работы стояла задача представить общий взгляд на развитие литературы. И хотя изложение материала у автора было доксографическим, ученому удалось представить исторический фон, на котором развивалась литература. Подобную задачу автор ставил перед собой, имея в виду учебное предназначение книги [20, с. III].

Интересно заметить, что еще до выхода учебника в 1820 году в сборнике «Сочинений и переводов студентов Харьковского

университета» была опубликована статья студента А. Попова «Краткое обозрение начала и постепенного возвышения и успехов российской словесности». Статья представляет собой попытку осветить развитие литературы с исторической точки зрения, беря в основу идею, что «словесность народа, как и другие познания, усовершенствуется вместе с бытием народа» [21, с. 21].

Существенный вклад в развитие теоретико-литературной мысли вносили и преподаватели университета, в частности Р.Т. Гонорский, который имел все данные вырасти в крупного критика и теоретика литературы, если бы не его ранняя смерть. В 1816 году в «Украинском вестнике» он опубликовал статью, задачей которой было определить состояние современной ему отечественной литературы [22, с. 183]. Р.Т. Гонорский заявил о существовании в литературе трех школ и определил их своеобразие. Выводы харьковского ученого явились открытием, значение которого в развитии теоретико-литературной мысли было немаловажно. Впервые вместо классификации по родовым и видовым признакам литература выступила как специфическое явление со своей особой внутренней жизнью и была осознана как самобытный процесс [22, с. 184]. Подобные исследования, рассматривающие в качестве уникального явления национальную литературу, явились результатом восприятия теории органического развития и романтической исторической мысли молодыми учеными Харьковского университета.

Таким образом, посредством истории словесности как университетской дисциплины шло ознакомление учащейся молодежи с накопленными историографическими представлениями об отдельных историках. Разработка теории литературоведения формировала представления о непрерывности историко-литературного процесса, особенностях его периодизации, о зависимости этого процесса от умственной и общественной жизни народа и хода его политической истории. Она выработала ряд понятий, таких как «ход словесности», «литературные направления и школы», которые стали инструментами познания сущности литературного движения, легли в основу зарождающейся «истории исторической литературы».

Выше речь шла об источниках историко-научных знаний, накопленных в сфере филологических дисциплин. Однако при исследовании зарождения историографии как академической

дисциплины, в центре внимания должен оказаться процесс развития университетской исторической науки и особенности становления исторических дисциплин.

Возможность для развития исторической рефлексии представлялась в процессе проведения самостоятельного исследования. Первым ученым-исследователем среди преподавателей истории Харьковского университета был Г.П. Успенский. Его работа «Опыт повествования о древностях русских», изданная в 1811 году, положила начало в истории отечественной науки изучению «внутреннего быта русского народа». Время научной деятельности Г. Успенского совпало с началом формирования нового научного типа историописания. Однако в своей исследовательской практике, которая состояла в «изучении и систематизации известных огромного массива литературы и источников» [23, с. VII] ученый был ближе к традициям исследователей XVIII века¹. Влияние на Гавриила Петровича как исследователя имела многолетняя дружба с известным собирателем материалов по истории русской словесности, уже упоминавшимся, Евгением (Болховитиновым) [8, с. 314]. Успенский видимо не только пользовался материалами, но и разделял его историко-научные взгляды, в частности, главную идею, которую Евгений (Болховитинов) хотел доказать в своем библиографическом словаре, о том, что современные успехи наук в России были не внезапно возникшим фактом, но явлением имеющим свои исторические корни [1, с. 161]. Об этом также косвенно свидетельствуют вопросы, которые задавал Успенский на экзаменах на ученые степени. Например, на магистерском экзамене А. Гевлича в 1813 году профессор предложил вопрос: «каково положение наук и искусств в России до Петра Великого?» [5, с. 558], а через два года на докторском испытании перед этим же соискателем стояло письменное задание «указать на важнейших писателей по русской истории и присовокупить свое суждение о достоинстве каждого из них» [25, с. 532]. Впрочем, вопросы из истории отдельных отраслей знания на квалификационных экзаменах задавались и преподавателями других дисциплин.

¹ Интересно, что сам Г.П. Успенский, в ответе автору рецензии на свою книгу, назвал себя не историком, а археологом, считая, тем самым, что задачи, стоящие перед ними различны [24, с. 378].

Например, И.Я. Кронеберг предложил на магистерском экзамене по римской словесности следующий вопрос: «понятие филологии, ее частей и об истории филологического учения» [25, с. 541]. Таким образом, можно констатировать, что уже на начальном этапе существования университета историко-научные знания выделялись одной из важных составляющих профессионального научного знания. С другой стороны, подобные вопросы свидетельствуют о том, что и в своих лекциях преподаватели уделяли внимание сюжетам из истории наук.

Прежде всего, вопросам истории науки были посвящены вводные лекции в курсы исторических дисциплин. Так И.И. Боровиковский, бывший студентом на заре преподавательской деятельности П.П. Гулака-Артемовского, вспоминал, что при начале курса преподаватель много времени уделял «обзору источников по русской истории из магистерской своей диссертации» [26, с. 94]. В понятие «источники» в данном случае входили и современные сочинения по отечественной истории, в частности сочинение Н.А. Полевого [27, с. 280]. При этом зачастую историографические экскурсы профессора были поводом для пародий. М.Ф. Де-Пуле вспоминал, что «лектор не щадил выражений, чтобы представить во всем ужасе дерзость «какого-нибудь купца и пошлеца» осмелившегося поднять руку против «нашего бессмертного историографа»» [27, с. 280]. Все же эти воспоминания говорят лишь о позиции профессора, которую он занимал в основной научной дискуссии того времени - критике сочинения М.Н. Карамзина представителями скептической школы и Н.А. Полевым. Как ни странно, именно негативное отношение профессора к новым веяниям в науке, способствовало тому, что он неоднократно предлагал своим слушателям темы для самостоятельной работы именно историографического характера. Например, «оценить историко-критическим образом картину правления великого князя Владимира Мономаха, представленную историографом Н.М. Карамзиным в его бессмертном творении «История государства Российского и в «Истории русского народа», сочиненной Н.А. Полевым [25, с. 488], и в качестве темы на медаль: «Что сделано Карамзиным и Полевым для нашей отечественной истории и что еще остается сделать для нее по требованиям нашего века» [8, с. 87]. Вероятно, профессор, который ратовал за повышение уровня

самостоятельной работы студентов во время университетского обучения [28, с. 21-22], чувствовал, что одной из существенных сторон этой самостоятельности является выработка у студентов критического отношения к исторической литературе.

Профессор всеобщей истории Е.М. Филомафитский, как вспоминают его слушатели, первую лекцию посвящал вопросам значения истории, обзору исторических источников и способов изложения истории [29, с. 139]. Это подтверждает и перечень курсов профессора на 1827-1828 учебный год. В «Объявлении публичных чтений» сообщалось, что лектор приступит к преподаванию древней истории изложив «введение в историю по собственным запискам», а студентам 3 курса прочтет «среднюю и новую историю с присовокуплением сведений о знатнейших писателях всех времен и народов» [6].

Вводная часть теоретического характера присутствовала и в лекциях В.Ф. Цыха. Перед каждой новой темой он указывал «источники и субсидии» [30, с. 4], а общий курс по древней истории открывал общими замечаниями об истории, выяснял этимологию этого слова и давал представление о предмете истории [30, с. 6]. Его слушатели позднее вспоминали: «только со вступлением на кафедру В.Ф. Цыха мы поняли истинное, научное значение истории; даровитый профессор, увлекая слушателей своими лекциями, знакомил нас с трудами и исследованиями современных писателей – Геерена, Гердера, Нибура, Галлама, Тьерри, Гизо и других» [31, с. 101]. Таким образом, историографические экскурсии становились не только элементами введения, но и способом изложения материала.

Интересно заметить, что познавательный потенциал критического способа изложения был признан и использовался также преподавателями политических и юридических дисциплин. И.И. Срезневский, рассказывая о годах учебы в Харьковском университете, с особой благодарностью вспоминал преподавателя русского права (видимо речь шла о И.Н. Даниловиче). Перед началом курса он выдавал студентам краткое обозрение, в котором «по каждому из основных вопросов были указаны источники их решения и наиболее важные труды ученых, излагающие одно из этих решений или содержащие по ним соображения». Все слушатели должны были готовиться к занятиям заранее по источникам и литературе [32, с. 250].

Другой преподаватель нравственно-политического отделения Т.Ф. Степанов в качестве введения в курс политической экономии предлагал своим слушателям изложение истории этой науки [33, с. 15]. Главная цель профессора состояла в достижении такой полноты преподавания, чтобы молодые люди после обучения были в состоянии самостоятельно заняться исследовательской работой. Достигнуть своей цели преподаватель планировал «разбором мнений крупнейших исследователей по каждому конкретному вопросу науки, показывая, каким образом они оспаривали доказательства друг друга, а после такого обзора предполагал выводить со студентами общее заключение» [33, с. 18]. Именно таким путем Т.Ф. Степанов достиг профессионализма в своей области и написал свой первый научный труд, получивший признание специалистов [34, с. 45,50].

Такое широкое проникновение в учебный процесс сюжетов историографического характера уже в 20-е годы XIX века позволило выпускнику словесного отделения Харьковского университета Н. Корсуну осознать и обосновать необходимость отдельной вспомогательной науки - «истории наук исторических». Эти мысли были высказаны им в магистерской диссертации «Рассуждение о том, в чем состоит сущность истории и какой надлежащий способ ее изучения», изданной в 1824 году. До этого одной из первых специальных историографических работ, имеющих университетское происхождение¹, считалась работа И.Н. Среднего-Камашева, опубликованная в «Вестнике Европы» в 1827 году [4, с. 6].

Определение Н. Корсуном сущности истории как науки «показывающей духовный путь, по которому Предвечный ведет своих чад к приобщению к своей любви» [36, с. 10], находилось под влиянием официального стремления соединить науку с религией, но его представления о составляющих историю вспомогательных науках были на высоте научной мысли того времени. Для автора история представлялась единым целым, состоящим из отдельных наук, тесно связанных между собой. Во главе вспомогательных наук он ставил науку «историографию, заключающую в себе главные основания

¹ Для П. Милуков эта работа знаменовала собой начало качественно нового этапа в истории отечественной исторической науки - становление университетской исторической науки [35, с. 5].

исторической критики» (т.е. источниковедение в современном понимании) [36, с. 14]. Далее Н. Корсун назвал известные ему науки из цикла нынешних специальных исторических дисциплин, указав на их предмет и особенности. В конце перечня автор заявлял, что «не достаёт ещё верной и полной *истории наук исторических*, которая бы вмещала в себя не одну только литературу, но весь ряд перемен, случившихся с историей и различие в способах представления оной древними и новыми писателями» [36, с. 18]. В своем рассуждении молодой ученый посчитал нужным представить беглый обзор развития исторических знаний с древнейших времен до современности. Его выводы о развитии исторической науки вписывались в традиционную универсальную схему движения наук: история из формы устных преданий перешла в письменные формы сначала у восточных народов, а потом тот же путь совершили и исторические знания у древних греков, достигнув у них расцвета [36, с. 19]; подражая древнегреческим историческим сочинениям, в дальнейшем и римские историки создали свои исторические произведения; в средние века, преемственность в развитии исторических знаний была нарушена, результатами трудов средневековых историков, «удалившись от своих предшественников», явились, не имеющие значения в глазах автора «сухие хроники и скудные труды монахов»; со времени же возрождения наук в Новое время возродилась в Европе и историческая наука, обратившись к сочинениям античности [36, с. 20].

Таким образом, Н. Корсун представил три блока вспомогательных исторических наук – (по сути, нынешние источниковедение, историография и специальные исторические дисциплины), разграничив сферы их компетенции, но в то же время подчеркнув их единство. У него они составляли «ветви» одного целого – «древа истории», и только это единство давало право истории, по мнению автора, «более других наук служить орудием к истинному просвещению» [36, с. 9]. Рассмотрение вопроса о связях и особенностях составляющих историю наук с проекцией на проблемы преподавания истории дает возможность говорить о наличии у автора представления о дисциплинарной структуре исторической науки. При чем в этой структуре историографии как «*истории наук исторических*» отводилось особое место.

В магистерской работе другого выпускника университета В.Ф. Цыха историографические представления получили свое практическое применение при решении теоретических вопросов истории. Магистерская диссертация Цыха «Рассуждение на тему по причине беспрестанного умножения массы исторических сведений и распространения объема истории, не оказывается ли нужным изменить обыкновенный способ преподавания сей науки и какой он должен быть именно, как вообще, и особенно в университетах» была издана в 1831 году. Основная цель работы состояла в осмыслении процесса накопления эмпирической базы истории, которая к началу XIX века была значительно расширена как за счет увеличения текстовой базы исторических исследований, так и развития материально-предметной ее составляющей. Важной задачей также являлось стремление автора осмыслить влияние процесса накопления эмпирического материала на разработку теории истории, и проблемы ее преподавания.

Основным частям диссертации предшествовало вступление, посвященное размышлениям автора о сущности истории как науки. Чтобы очертить содержание науки, автор вводит понятие идеальной истории, как части всеобщего знания [37, с. 5]. В столкновении этого идеала с возможностями человеческого познания для В.Ф. Цыха становились яснее «границы, задачи, трудности реальной истории, доступной человеческому уму». Реальная история представлялась «знанием неполным, неопределенным, которому дать объем и единство по одной общей идее не возможно» [37, с. 14]. Тем не менее, автор предлагает свой вариант определения, который фактически являлся осмысление вопросов предметного поля, исследовательских приемов и задач исторической науки [37, с. 15].

В доказательство «неопределенности истории» В.Ф. Цых приводил тезис о разнице в воззрениях на науку и различиях в способах конструирования прошлого на протяжении всего существования исторической науки [37, с. 14]. Обозрению этих способов, составляющих различные направления, посвятил автор заключительную часть своего вступления. Но, прежде всего, он решал вопрос о времени зарождения истории как науки, связывая ее появление с деятельностью логографов и Геродота, воплотивших в своих трудах элементы исторической критики и стремившихся к

постижению истины [37, с. 20]. Основанием для выделения направлений служили: «субъективные цели авторов - риторическое, эклектическое направление» [37, с. 22], «особенности материалов - исследовательское направление» [37, с. 27] и «новые идеи, перешедшие из других наук - философическое направление» [37, с. 29]. Ученый не ставил цели представить эти направления как последовательные этапы развития исторической науки, хотя при характеристике каждого конкретного направления автор называет его создателя, и прослеживает развитие направления в исторической науке нового времени и современности. И только последнее направление («новейшее») вносит в перечень элемент хронологической упорядоченности [37, с. 32]. Выделение этого направления сделано В.Ф. Цыхом под впечатлением от изменения взгляда на историю в трудах представителей французской романтической историографии.

Главное внимание в названии диссертации В.Ф. Цыха обращено на область методики преподавания, но в содержании работы автор более подробно исследует обзор причин или путей накопления массы исторических источников и «расширения объема истории», под чем ученый понимал появление новой исследовательской модели, представленной романтической исторической мыслью. В качестве основных причин изменений в науке автор называл «ход исторической жизни рода человеческого» [37, с. 39], «археолого-исторические исследования и открытия» [37, с. 48], и «распространение новых идей в истории» [37, с. 63]. Говоря о распространении новых идей в истории, В.Ф. Цых пытался проанализировать тип историописания господствующий до второй половины XVIII века. Ученый считал, что этот тип сложился еще в античной историографии и сменился под влиянием философии истории новым взглядом на историю, в основе которого лежали понятия о народности и переориентация интереса исследователей с политической истории на вопросы внутренней жизни [37, с. 74]. Таким образом, автор пытался не только определить сущность и содержание нового исследовательского подхода, но и вписать его в процесс движения науки, обосновать историческую закономерность появления нового взгляда на историю, ее предмет и задачи. При этом элементы историографического анализа в диссертации В.Ф. Цыха, помогая утверждению нового знания, выполняли конструктивную функцию.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Становление историографии как научной и учебной дисциплины в Харьковском университете представляется результатом общего хода развития университетского гуманитарного образования. Благоприятные условия для такого развития создал первый университетский устав, предоставив свободу преподавания и задав высокий уровень профессионализма университетской профессуры. На практике в университете поддерживали этот уровень своей деятельностью иностранные профессора, являвшиеся проводниками передовых идей европейской научной мысли. В условиях слабой дифференциации наук в начале XIX века накопление багажа историографических знаний происходило в недрах смежных с историей дисциплин, прежде всего истории словесности. Благодаря влиянию этих факторов в первой трети XIX века историографические знания и историографический метод стал неотъемлемой частью университетского исторического образования. В это время был осознан дидактический потенциал критического метода преподавания и роль историко-научных исследований в качестве эффективного способа организации самостоятельной научной работы учащихся. История науки стала составлять предмет вступительных лекций, а историографические обзоры служили в качестве вводных частей к историческим курсам. В это же время в своих теоретических работах молодые ученые университета посредством обращения к историко-научной проблематике пытались решить актуальные проблемы исторической науки, началось осмысление историографии как отдельной дисциплины. Выпускник университета Н. Корсун сформулировал ее название, которое отражало понимание автором предметного ее поля и отношений с другими дисциплинами исторического профиля. Таким образом, идеи, высказанные молодым ученым Харьковского университета, позволяют говорить о начале процесса осознания дисциплинарной самостоятельности историографии и датировать этот момент 20-ми годами XIX века.

-
1. Колесник И.И. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1993. – 208 с.

2. Колесник И.И. Когда зародились историографические знания в России. Пути исследования проблемы // История СССР. – 1989. – №4. – С.136-151.
3. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1955.; Шевцов В.И. Вопросы отечественной историографии в русской исторической литературе 20-30-х годов XIX века // Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения. – Днепропетровск: ДГУ, 1976. – Вып. 3. – С. 128-145.
4. Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России (с середины XIX века до 1917 г.) – М.: Наука, 1983. – 209 с.
5. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Спб, 1864.
6. Багалій Д.І. Вибрані праці. Т.3. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Ч.1. – Харків: Вид-во НУА, 2004. – 1151 с.
7. Обзорение публичных чтений в имп. Харьковском университете в 1805-1835. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1805-1835.
8. Роммель Х.Ф. О преимуществе и силе истинного и совершенного просвещения // Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Харьковского университета, 30 августа 1811 г. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1811. – С. 48-58.
9. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805-1905). – Х.: Тип. А.Дарре, 1908. – 558 с.
10. Дегуров А.А. О возрождении наук и перевесе, который они дали Европе перед прочими частями света // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета, бывшем 17 янв. 1812 г. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1808. – С. 39-52.
11. Якоб Л.Г. О влиянии университетов на образование и благосостояние народов // Речи, говоренные в торжественном годовом собрании императорского Харьковского университета, 17 января 1808 г. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1808. – С. 68-86.
12. Дегуров А.А. Критика истории и ее защищение // Речи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Харьковского университета, 30 августа 1808 г. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1808. – 52 с.

13. Лебедев А.С. Антон Антонович Дегуров. Биографический очерк из истории Харьковского и Петербургского университетов: 1806-1836 гг. // Вестник Европы. – 1876. - № 3. – С. 135-177.
14. Затеplinский П.А. Об астрономии // Украинский журнал. – 1824. – № 21. – С. 99-120.
15. Стельмах С. Історична думка в Україні XIX – початку XX ст. – К., 1997.
16. Данилевский Р.Ю. И.Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России // Русская культура XVIII века и западно-европейские литературы. – Л.: Наука, 1980. – С.174-217.
17. Сухомлинов М.И. Исследование и статьи по русской литературе и просвещению. – Т.1. – Спб.: Издание А.С. Суворина, 1889.
18. Сухомлинов М.И. О трудах по истории русской литературы // ЖМНП. – 1871. – Ч. 156. – № 8. – С. 139-180.
19. Известия о жизни и смерти И.С. Рижского. – Х.: Тип. Харьк. ун-та. 1811. – 43 с.
20. Греч Н. Опыт краткой истории русской литературы. – Спб., 1822. – 393 с.
21. Попов А. Краткое обозрение начала, постепенного возвышения и успехов российской словесности // Сочинения и переводы студентов Императорского харьковского университета, читанные 30 июня 1820 г. по окончании экзаменов. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1820. – С. 21-38.
22. Возникновение русской науки о литературе. – М.: Наука, 1975. – 464 с.
23. Успенский Г.П. Опыт повествования о древностях русских. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1818. – 815 с.
24. Успенский Г.П. Отзыв сочинителю рецензии на книгу «Опыт повествования о древностях русских» // Украинский вестник. – 1818. – Кн.9. – С.377-389.
25. Багалій Д.І. Вибрані праці. Т.4. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Ч.2. – Харків: Вид-во НУА, 2005. – 1003 с.
26. Боровиковский И.И. Воспоминания о полтавской гимназии и Харьковском университете за полстолетия // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. – Т.1. – Х., 2008. – С.90-99.
27. Де-Пуле М.Ф. Харьковский университет и Д.И. Каченовский: культурный очерк и воспоминания из [18]40-х годов //

- Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. – Т.1. – Х., 2008. – С. 272-331.
28. Гулак-Артемовский П.П. Речь, читанная при начатии нового курса учения // Речь, произнесенная в зале торжественных собраний к студентам Императорского Харьковского университета 1 сент 1828 г. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1828. – 22 с.
29. Геевский С.Л. Из автобиографии (1813-1862)//Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. – Т.1. – Х., 2008. – С. 136-156.
30. Бузескул В.П. О лекциях В.Ф. Цыха проф. Харьковского университета в 30-х годах прошлого века. – Х., Тип. Харьк. ун-та, 1910.
31. Из воспоминаний студента Н. // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. – Т.1. – Х., 2008. – С. 99-130.
32. Срезневский И. О научных занятиях студентов. По поводу письма профессора Дройзена // ЖМНП. – 1869. - №12. – С.247-265.
33. Степанов Т.Ф. Вступительная лекция. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1833. – 20 с.
34. Степанов Т.Ф. Из «Автобиографии» // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців. – Т.1. – Х., 2008. – С. 40-54.
35. Милуков П.Н. Главные течения русской исторической мысли – 3-е изд. – СПб: М.В. Аверьянов, 1913. – 341 с.
36. Корсун Н. Рассуждение о том, в чем состоит сущность истории и какой надлежащий способ ее изучения для получения степени магистра по части исторических наук. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1824. – 32 с.
37. Цых В.Ф. Решение вопроса: по причине беспрестанного умножения массы исторических сведений и распространения объема истории, не оказывается ли нужным изменить обыкновенный способ преподавания сей науки и какой он должен быть именно, как вообще, так и особенно в университетах? Рассуждение, написанное кандидатом В. Цыхом для получения степени магистра по части исторических наук. – Х.: Тип. Харьк. ун-та, 1833. – 128 с.

Кісельова Ю. Витоки становлення історіографії як навчальної та наукової дисципліни у Харківському університеті: перша третина XIX ст.

Резюме: Стаття присвячена проблемі зародження історіографічних знань у Харківському університеті у першій третині XIX ст.. На початку існування університету цьому процесу сприяла діяльність іноземних професорів, а нагромадження матеріалів відбувалося у сфері історії класичної та російської літератури. Наприкінці зазначеного періоду історико-наукові знання набувають статусу традиційного елементу вступу до історичних курсів та актуалізуються у перших наукових працях історико-теоретичного характеру. Ця практика дозволила вихованцю університету Н. Корсуню у своїй кандидатській дисертації сформулювати ідею про необхідність окремої науки – «історії наук історичних», що свідчило про початок процесу розуміння дисциплінарної самостійності історіографії.

Ключові слова: історіографія, Харківський університет, історико-наукові погляди, історія літератури.

Киселёва Ю. Истоки становления историографии как учебной и научной дисциплины в Харьковском университете: первая треть XIX века

Резюме: Статья посвящена проблеме зарождения историографических знаний в Харьковском университете в первой трети XIX века. На начальном этапе существования университета этому процессу способствовала деятельность иностранных профессоров, а накопление материала происходило в сфере истории классической и российской литературы. К концу указанного периода историко-научные знания приобрели статус традиционного элемента вступительных лекций к историческим курсам, к ним начинают обращаться первые авторы историко-теоретических работ. Эта практика позволила выпускнику университета Н. Корсуню в своей кандидатской работе сформулировать мысль о необходимости особой науки - «истории наук исторических», что свидетельствовало о начале процесса осознания дисциплинарной самостоятельности историографии.

Ключевые слова: историография, Харьковский университет, историко-научные взгляды, история литературы.

Kiseleva Yu. Origins of historiography as a Scholarly discipline and a Science in Kharkiv University in the first third of nineteenth century.

Summary: The article is devoted to the origin of the historiography knowledge at Kharkiv University in the first third of nineteenth century. At the initial stage of the University the activities of foreign professors contributed to this process, and the accumulation of material occurred in the field of the history of literature. By the end of the mentioned period historiographical knowledge had acquired the status of the traditional element of historical rates introduction, and was used in the first scientific studies of historical and theoretical nature. This practise allowed the University graduate N. Korsun to set forth the idea of necessity to develop a special science - "history of historical sciences". This indicated the initiation of awareness of historiography's disciplinary autonomy.

Key words: historiography, Kharkiv University, historical-scientific views, history of literature.